

УДК 391.5(=512.141)(045)

Р.Р. Баязитова**«ВОЛОСЫ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР¹**

В данной статье рассматриваются представления башкир, связанные с *волосами*. Целью исследования был анализ мифологии, космогонических представлений, жизненных циклов башкир для выявления семантики и функции *волос* в традиционной культуре. Представленные материалы свидетельствуют о том, что для башкир было характерно мифологическое объяснение качественных и количественных изменений, происходящих с *волосами* человека в период внутриутробного развития, при жизни, а также после смерти. В ходе работы выяснено ассоциативное понимание *волоса* в традиционной культуре башкир: средство связи между мирами, место обитания души, символ силы, красоты и здоровья, благополучия, чести, продолжительности жизни, жизненной энергии, возрастного и семейного статуса. Материалы, представленные в эпосах, сказках, пословицах и поговорках, запретах и предписаниях, дают возможность осмыслить значение *волос* в мифологии, семейно-бытовой обрядности, проследить происхождение отдельных норм поведения, связанных этой частью тела.

Ключевые слова: традиционная культура башкир, волосы, дорога, жизненная сила, статус, этикет.

Традиционные представления о человеческом теле у разных народов имеют свои особенности. Это обусловлено, с одной стороны, личностными качествами отдельного человека, с другой — мифологическими воззрениями, суеверными представлениями, стереотипами поведения этноса. Как и все остальные естественные части тела, волосы, усы и борода в традиционной культуре башкир наделялись определённым смыслом, знаковыми характеристиками, приметам и поверьями. В научной литературе тема телесного кода башкирской культуры специально не изучалась, а рассматривалась только в контексте изучения мифологии, верований, семейно-обрядовой культуры башкир [18; 23; 24 и др.], чем и обусловлена новизна исследования. В данной статье рассмотрим реалии традиционной культуры башкир, раскрывающие семантику и функции волос, опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а также на научную литературу.

В мифологическом словаре даётся следующее определение: «Сәс. Волос; бессмертная часть тела; с ним рождаются, он продолжает расти и после смерти человека, поэтому волосы являются самой мифологизированной частью тела. С ними связано много обрядов, обычаев, запретов, примет. Волосы являются символом дороги, благополучия, проводником души на том свете. *Сәсте теләһә кайза ташларға ярамай, баш ауырыһ* — Волосы нельзя бросать где попало, голова будет болеть. *Төшөңдә сәс күрһәң, бахеткә*. — Видеть во сне волосы — к счастью. Слово восходит к общетюркскому *sac* “волосы”» [23, с. 278]. Для башкир было характерно мифологическое объяснение качественных и количественных изменений, происходящих с волосами человека в период внутриутробного развития, при жизни, а также после смерти. По их представлениям, волосы ассоциируются с дорогой, жизненной энергией, магической силой, являются символом красоты и здоровья, помогают определять пол и возраст, семейный статус. У башкир по сегодняшний день сохранились приметы и поверья, связанные с волосами: если во сне увидеть длинные волосы — к дороге; если при плетении остаётся пучок волос — к дороге (причём длина волос показывала близость или дальность пути) [29]. Ассоциативное понимание волоса как связующего звена между мирами сохранилось по сей день. Похожие представления можно обнаружить у алтайцев. Алтайский *кам*, например, по дороге к «земной пасти», отверстия, ведущему в подземный мир, спускался вниз и видел море, а над морем мост в виде волоса. Камлая, шаман шатался из стороны в сторону, иногда чуть не падал, показывая, как тяжёл путь по волосу [4, с. 68].

В башкирских эпосах и сказках часто встречается такой мотив, когда батыр, расставаясь с чудесным конём, по просьбе *тултара* выдёргивает три волоса, которые он должен подпалить, чтобы конь предстал пред ним. Например, в сказке «Алпамыша-батыр» Алпамыша решил отпустить коня и идти на майдан. Тогда конь сказал: «Выдерни у меня три волоска. Как только свистнешь через волос, я сразу к тебе примчусь» [10, с. 53]. В эпосе «Акбузат» также есть такие строки [9, с. 139]:

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Урал: история, экономика, культура» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовные истоки башкир в фольклоре тюркских народов Евразии», № 17-14-02604).

*«Подпалишь волос — на этот зов
В мгновение ока к тебе придет.
Коль даже исчезнет весь твой скот,
Останется Акбузат с тобой».*

В комментариях к эпосу составители отмечают: «Этот мотив связан с древними тотемистическими представлениями о родстве человека и животного и о том, что часть таинственно связана с целым. У древних башкир бытовало поверье о том, что волосы, взятые у животного, магически обеспечивают власть над ним. Поэтому, продавая скот, обязательно выдергивали пучок волоса, дабы сохранить *кот* — благополучие оставшегося у хозяина скота» [9, с. 503]. На наш взгляд, наряду с указанными воззрениями народа, в данном случае волос предстаёт как средство связи между разными мирами: земным (батыр) и верхним/нижним (конь, умеющий разговаривать и давать советы, быстро преодолевать расстояния и т. п.).

Согласно мировосприятию древних, волосы служили отличительным признаком между людьми и представителями иного мира. По данным С. И. Руденко, у башкир солнце фигурирует под видом «красной водяной девы», у которой, когда она выходит из моря, белые волосы, длиною в несколько сажений, плавают над водой...» [18, с. 266]. В эпосе «Урал-батыр» у Хумай волосы как золотые лучи [9, с. 47]. «Солнце искупало Хумай в своих лучах, поэтому теперь Хумай золотыми волосами озаряет мир, “днём на землю лучи льёт”, а “ночью Луне посылает лучи”» [6, с. 20]. В эпосе «Заятуляк и Хыу-хылу» встречаем описание следующей неземной девушки: «И что же он видит: на берегу, на плоском камне, сидит водяная девушка и, распустив косы, расчёсывает золотым гребнем чёрные волосы длиною в шестьдесят коласов. Свет над Асылыкуль (озером) исходил, оказывается, от той прекрасной девушки, которая вышла из воды и прихорашивалась» [6, с. 421]. В эпосе «Акбузат» также делается акцент на красивых волосах дочери падишаха озера Наркас: «Подполз Хаубан поближе, посмотрел: не утка, но на золотом троне, распустив золотые косы, какая-то девушка сидит, волосы расчёсывает; вокруг неё, говорят, сизые голуби резвятся. Незаметно подкрался Хаубан, схватил девушку за волосы и накрутил их (на руку)» [6, с. 381].

Земная красавица Айхылу представлена в эпосе с заплетёнными волосами [6, с. 390]:

*«Лицом светлее луны,
Ямочки на обеих щеках,
Чёрные брови вразлёт,
Сквозь длинные ресницы её
Будут смотреть улыбающиеся глаза;
Словно у сокола, её высокая грудь,
Волосы в косы заплетены,
Сверкая перламутром зубов,
Нежно будет улыбаться девушка (та)».*

Необходимо отметить, что во многих текстах представительницы потустороннего мира показаны с распущенными, необычными волосами, а земные девушки — с заплетёнными, что иллюстрирует идею зеркальности двух миров.

«Как правило, хтонические существа алтайского и якутского эпоса имеют эпитет “медный” (*джес, дьес*). Это медноклювые существа с медными когтями, шаманки с медными бубнами и часто желтоволосые, желтокожие женщины. Вероятно, представление о желтизне устойчиво связано с весьма архаичными персонажами — женскими» [21, с. 96], — отмечают исследователи традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири. У башкир демонический персонаж *«албасты»* также представлен в образе женщины с длинными распущенными светлыми волосами и длинными грудями [23, с. 22]. Подобное восприятие образов потустороннего мира было зафиксировано и у таджиков. По рассказу пожилой таджички, когда она была маленькая, её дядя поймал *албасты*: «Однажды в доме не оказалось огня, спичек тогда ещё не было. Дядя спросил девочку: “Показать тебе *албасты*?” Он привёл её к орешине в их саду, и там она увидела *албасты*, которая сидела у огонька, разведённого у корня дерева, и расчёсывала свои жёлтые волосы» [13, с. 35]. Распущенные, незаплетённые волосы по сей день ассоциируются с иным миром. *«Албасты һымак ялбырап (ялбырлан) йөрөй»* — «Ходит с

распущенными, растрёпанными волосами как албасты», — так осуждающе говорят пожилые о молодых. В традиционной культуре распуск волос означал десоциализацию, поэтому запрещали ходить с распущенными волосами. Расплетая или отстригая волосы, наказывали изменниц. Кроме того, принято распускать волосы на похоронах, так как, по поверьям, в них находится душа человека.

Традиционно волосы считались вместилищем жизненной и магической силы. Л. Г. Бараг и А. М. Сулейманов приводят примеры из мифологии разных народов, где прослеживается связь волос с жизненной силой. Герой башкирской богатырской сказки «Акъял» рождается «с длинными, как грива, покрывшими спину до лопаток белыми волосами»; в казахской легенде могучий святой именуется «Волосатым Азизом»; в тувинской богатырской сказке богатырь Хангавай отрезает у побеждённого им исполина Ерсары-мэге косу, чтобы присвоить себе его силу. А образ Таза в башкирской, киргизской и казахской сказках ассоциируется с таким социально-бытовым явлением как *манкуртство*. Манкурт считался тазом-плешивцем, лишённым ума [3, с. 32–34]. Следовательно, если волосы были вместилищем магической силы и показателем ума, то высказывание: «Волосы длинные, ум короткий», — по мнению информантов, относящийся чаще всего к женщинам, можно трактовать по-разному. Во-первых, как констатацию факта — «волосы длинные, а ум короткий». Во-вторых, как несоответствие — «несмотря на то, что волосы длинные, ума мало». В-третьих, как веру в сверхъестественную силу: если волосы длинные, то человек обладает магической силой и полагается на неё.

Вера в сверхъестественную силу волос нашла отражение в магических приёмах башкир. Например, действия с волосами совершали при произнесении проклятий, которые восходили к глубокой древности. Как правило, проклятия были оружием женщин. По данным информантов, башкирки для достижения наибольшего результата, проклинали, распустив волосы и расчёсывая их на вершине горы, возле быстротечной реки, либо в бане. Например, в Кунашакской версии эпоса «Кузыкурпяс и Маянхылу» Кузыкурпяс на пути к Маянхылу, преодолев все преграды, созданные матерью, обернулся назад, «а там, на только что поднявшейся горе, распустив свои волосы, стоит его мать». В комментарии к этому сюжету составители тома отмечают, что у башкир был очень развит культ матери, что существовало поверье: если мать, распустив волосы, плача, проклинает своих непутёвых детей, то они либо погибнут, либо превратятся в птиц и улетят из дома. Считалось, что проклятие матери человеку невозможно снять не только при жизни, но и после смерти, и поэтому каждый старался заслужить и получить благословение матери [9, с. 252, 510]. Вера в магическую силу волос бытует и у других народов. Например, у кавказских народов был распространён обычай, согласно которому замужняя женщина, сбросив головной платок, притронувшись к нему или же только пригрозив сделать это, могла прекратить мужское злословие, ссору или даже кровопролитие. Объясняют это боязнью непокрытых волос *чужеродки*, верой в то, что волосы — вместилище магической силы (ср. библейскую легенду о Самсоне, ношение париков ортодоксальными иудейками, бритьё головы мусульманами да и само обязательное покрытие головы замужней женщины у широкого круга народов) [19, с. 55].

Особыми свойствами наделялись утробные волосы. «Волосы, с которыми ребёнок появлялся на свет, ставили его в один ряд с природными существами. Их символическое удаление было обязательным условием социализации. Расставаясь с младенческими волосами, маленький человек отдалялся от иного, дикого мира» [22, с. 173]. Первой стрижке волос у башкир посвящался отдельный праздник. Сделать стрижку доверяют особенно близкому и дорогому для семьи ребёнку человеку. При этом он должен быть чисто вымыт и одет. После стрижки человек произносит: «Дочке (сыну) — один барашек!». Первые волосы ребёнка хранили как оберег, никому не показывая. Иногда их закладывали в Коран. В народе считали, что нельзя обижать того, у кого не срезаны первые волосы. Проклятие этого человека ничем не снимается [7, с. 287]. По данным Р. А. Султангареевой, первые волосы (карын сәс) стригли через 21 или 33 дня со дня рождения. Стричь должен был человек, который пользовался особым уважением в семье или роду и рука которого считалась лёгкой. В обиходе бытовал приговор: «Лишь бы счастье не отстриг» («*Бәхтен генә кырып алмаһын инде*»). Стригли специальными ножичками (*бәке*). В этот день устраивали *туй*: резали животное белой масти во имя благополучия дитя, проводили обильные коллективные трапезы. Мулла читал суры из Корана. Дедушке, совершившему первую стрижку волос, отец ребёнка преподносил (называл) ягнёнка или рубашку. В свою очередь и дедушка говорил: «Моему сыну (дочери) — барашка!» [24, с. 49–50]. Если не удалить утробные волосы («*карын сәс*»), то у человека будет болеть голова. Значимость первой стрижки волос подтверждается обрядами, которые по сегодняшний день проводятся у разных народов с целью приобщения ребёнка к семейному коллективу, а преподнесение подарков сводится к наделению матери-

альными благами. Например, у казахов в годовалом возрасте проводили обряд сбривания утробных волос «*қарыншаи*»: мальчикам на макушке (темени) оставляли прядь волос, которая называлась *айдар*, девочкам — на висках *тұлым*. Обряд оставления небритой пряди утробных волос у годовалого ребёнка также фиксируется среди широкого круга тюрко-монгольских народов: «*со*-той» (букв. «праздник волос») у узбеков-карлуков; «*сачтой*» у туркменов; «*айдартой*» у каракалпаков; «*бас кетеруьв*» у ногайцев, — отмечает Н. Шаханова [26, с. 52].

Волосы, причёска, будучи важной составляющей внешности людей, передают половые различия. У девушек и женщин традиционно были длинные волосы, которые считались признаком красоты и женского достоинства. Цвет, длина и красота волос воспевались в фольклоре: «Кара-Абыз имел дочь, которая затмевала своей красотой даже летнюю луну. Её волосы были много чернее, чем крыло кузгуна» [5, с. 107].

По причёске можно было определить семейное положение женщины. Согласно П. Назарову, юные башкирки волосы плетут в одну косу, а замужние женщины — в две косы, и обязательно вплетают в них длинные шнуры, оканчивающиеся крупными серебряными монетами [25, с. 75]. Рассмотрим фольклорный текст о священной птице кукушке, иллюстрирующий женскую причёску: «Кукушка, говорят, когда-то была обыкновенной женщиной-вдовой. Жила она в нужде и нищете. И все, кому не лень, обижали да затирали её. И чужие, и родные. Просто житья не давали.

Раз, когда она заплетала свои волосы, довела её до того, что она не выдержала и вылетела из дома, обернувшись кукушкой. Только одну косу и успела заплести. А другая так и осталась незаплетённой. Вот почему у кукушки одно крыло слегка распушено, а другое плотно прилегает к телу» [7, с. 107].

В свадебной обрядности башкир заплетению волос уделялось особое внимание: сохранились песни, благопожелания, посвящённые смене причёски. Например [11, с. 410] (подстр. перевод автора):

*«Бер зә генә толлом сәстәрәңде
Иккә лә үрәп һал инде».*

*«Волосы, заплетенные в одну косу,
Заплети ты в две косы».*

«Изменение причёски, видимо, означало корректировку жизненной силы человека, вступающего в новые взаимоотношения с миром», — отмечает Р. А. Султангареева. По её же данным, в Белорецком районе волосы заплетали сёстры (*аналары*), в Сафакульском районе Челябинской области — бабка-повитуха (*кендек инәйе*) или бабушка невесты (*әбейе*). За это невеста должна была одарить их кольцами, лентой с позументом (*ука сук*) [24, с. 83]. Смена причёски — это основной момент свадебной обрядности многих народов. А. Т. Толеубаев, описывая бытование обряда заплетения волос невесты в две косы у казахов, отмечает, что удвоение девичьей косы символизировало конец одиночества и начало супружеской жизни. По его материалам, такой обычаем наблюдался у киргизов, калмыков, телеутов, бурят [20, с. 27].

У башкир и мужчины, и женщины покрывали голову. Замужним женщинам запрещалось ходить с непокрытой головой. Согласно поверьям, наиболее уязвимыми от сглазу и злых духов считались волосы, подбородочная ямка, затылочная ямка, лоб и щёки. В прошлом существовали украшения и головные уборы, прикрывавшие эти места. Во многих юго-восточных районах Башкирии девичьими украшениями были косные подвески из бус — *сәсмәу*, как отмечает С. Н. Шитова. Косник зауральских бурзян состоял из семи низок разноцветных бус, прикреплённых к кожаному треугольнику; от треугольника отходила вплетаемая в косы шерстяная тесьма. Нити с бусами на одинаковом расстоянии скреплялись металлическими пластинками и заканчивались кистями. Пластинками косник делился на пять частей; это деление подчёркивалось бусинами разного цвета. Обычай украшать волосы кораллами и бусами существовал также у народов южной Сибири. Девушки-алтайки с достижением брачного возраста вплетали в волосы косник, который состоял из нескольких нитей с бусами, на определённом расстоянии скреплённых пятью полосками плотной ткани, внизу к нему прикреплялись разноцветные кисти [27, с. 57]. По казахским поверьям, в волосах обитает часть души. У казахов, как и у других народов Востока, существовало представление о том, что колокольчики своим движением и звоном способны отпугивать нечистые силы. Вес накосных украшений достигал нередко трёх килограммов, что, естественно, оттягивало волосы девушек назад, развивая правильную

осанку и походку. При этом звон монет создавал своеобразную мелодию, соответствующую походке каждой девушки, и именно по походке нередко судили о характере и нраве девушки [17, с. 103].

Запрет для снохи показывать родителям мужа и остальным членам семьи волосы и босые ноги приводил к тому, что башкирки спали в платках и носках, отмечают информанты [29], это же наблюдалось и у финно-угорских народов. По данным этнографа К. И. Козловой, в прошлом женщинам Поволжья обычай запрещал ходить с непокрытой головой: даже ночью они спали в головных уборах [16, с. 81]. У марийцев Башкортостана посаженная мать завязывала молодой снохе платок, давала наставления, чтобы она соблюдала обряд избегания, а в случае нарушения запрета её ждали впереди тяжёлые роды [1, с. 27]. У башкир невестка не должна была показывать, расплести, расчёсывать волосы даже перед свекровью. Согласно полевым материалам, если свекровь случайно заставала невестку с распущенными волосами, то тут же уходила. «Если голова болит — прикрывай платком, руки болят — спрячь под рукава», — говорят пожилые. Замужние женщины постоянно покрывали волосы; нарушение влекло наказание свыше — засухи и т. п.

Женские волосы всегда должны были быть переплетены, но в отдельных ситуациях эта общепринятая норма нарушалась. Например, чтобы облегчить, ускорить роды, распускали волосы [15, с. 12]. «При родах женщине почти всюду снимают головной убор и распускают волосы. Казалось бы, этот обычай может быть объяснён так же, как обычай развязывания узлов, открывания двери, ворот, замков и т. д., стремлением развязать узлы и открыть отверстия, чтобы по аналогии, открыть выход ребёнку, но с волосами здесь связана вера в другое значение: если роды затягиваются, женщине вкладывают в рот волосы (Орловская губерния). Точно так же для выхода последа её заставляют глотать свои волосы (Вятская губерния, Сарапульский уезд). В действительности это глотание волос оказывает своё благотворное действие тем, что вызывает рвотные движения, но воспринимается как использование силы самой женщины, заключённой в волосах. Подтверждается это тем, что в Орловской губернии (Карачевский уезд) пуповину ребёнка обязательно перевязывают прядью волос с правого виска матери, чтобы он был к ней привязан» [12, с. 147–148].

Представляют интерес действия с волосами, совершаемые вдовами. Р. А. Султангареева приводит интересный обряд, описанный С. И. Руденко: в знак траура женщина срезала косы и клала в могилу мужу, то же самое делала и с ногтями; после этого она не могла принадлежать другому мужчине [24, с. 156]. У киргиз, например, жена покойного расплетала волосы, расцарапывала себе лицо и, по обычаю, громко причитала. Вдова имела право собрать волосы на сороковой день после смерти мужа, для чего устраивали особый обряд [14, с. 125]. В ритуально-обрядовой практике южно-сибирских тюрков заплетённая коса служила знаком принадлежности к миру людей. Напротив, утрата «человеческого облика» (например, в период 40-дневного траура вдовы у хакасов или телеутов) сопровождалась расплетением или обрезанием волос. Роль косы в мировоззрении до конца не выяснена, однако вряд ли случайно южно-сибирские тюрки уделяли столь большое внимание именно волосам, растущим на «вершине головы» (ср.: богиня Умай, ассоциируемая у хакасов с родничком младенца; семантическая цепочка «волос — верёвка — солнечный луч», реализующая идею связи человека с жизнедеятельными силами «верха») [22, с. 175].

А. К. Байбурун и А. Л. Топорков отмечают: переход девушки во власть мужа знаменуется тем, что жених овладевает косой невесты. Например, в водской свадьбе жених отрезал косу невесты, а её мать, передавая ему эту косу, говорила: «Возьми косу вместе с головой, Будь её господином, а она будет твоей рабой» [2, с. 88]. «Передача косы есть символ передачи власти над человеком. Обычай срезания волос существовал и у русских. Древность этого обычая, как и момент возникновения его, кажется, становятся достаточно ясны и поясняют значение обычая закрывать волосы замужней женщины. Головной убор женщины есть прежде всего символ её брачного состояния, при начале господства патриархального рода — её подчинённого положения. Снять головной убор публично — значит нарушить брак» [12, с. 150]. Несоблюдение правил, связанных с закрыванием волос, появление женщины перед посторонними с распущенными волосами вызывали всеобщее осуждение, воспринимали как неуважение к окружающим, нарушение этикета.

Причёска и растительность на лице мужчин также регламентировались этикетными нормами. Волосы на голове башкиры брили, на лице же они, подобно татарам, подбривали или выщипывали бороду только возле рта и подстригали усы. Для выщипывания бороды они употребляли особые щипчики, специально изготавливаемые для этой цели татарами. И. И. Лепехин описывает другой весьма своеобразный способ выщипывания волос, применявшийся будто бы башкирами. Он пишет, что

башкиры «натирают себе бороду калёною золою и, ссучив круто нитку, с отменным проворством и искусством вкручивают волоса по два и вырывают. Зола, по их примечанию, слабит кожу и утоляет ту боль, какая от щипания волосов произойти должна» [18, с. 145]. Появление усов у парней как признак полового созревания, мужественности; «*Кара мыйык*» (чёрные усы) воспеваются во многих народных песнях. Борода воспринималась символом мудрости, зрелости. Волосы на голове мужчины брили, а с переходом в старшую возрастную категорию отпускали бороду.

Особенное отношение к волосам отразилось и в устном народном творчестве башкир. В народе сложились такие приметы, связанные с волосами на теле человека: «Волосатый человек — везучий человек», «Тот, у кого ноги волосатые, будет везуч на скотину», «У кого руки волосатые, бием будет, у кого уши волосатые, рабом будет, у кого ноги волосатые, баем будет» [8, с. 232–234].

У башкир по сей день сохранились запреты, касающиеся действий с волосами. Например [28]:

Вечером нельзя расчёсывать волосы — будешь несчастлив.

Нельзя волосы заплетать с узлом на конце — несчастье будет.

Волосы, выпавшие во время расчёсывания, нужно сжигать. Во время сжигания нужно говорить:

Бисмиллахир-рахманир-рахим!

В этой жизни золой будь,

В той жизни розой (цветком) будь,

Если при сжигании волос произнести: «Бисмиллахир-рахманир-рахим!», — то после смерти легко будет их найти. В гостях только спустя три дня можно расчёсывать волосы.

Таким образом, материалы исследования показывают, что *волосы* в традиционной культуре башкир наделялись сакральным, символическим смыслом: передавали возрастные и половые различия, являлись отличительным признаком между представителями разных миров, знаком социализации и десоциализации. От рождения и до самой смерти наблюдалось особое отношение к волосам как к неотделимой части от целого, что проявлялось в повседневной жизни и в обрядах жизненного цикла. Предписания и запреты, которыми оперировал человек в традиционном обществе, есть результат коллективного творчества, направленный на защиту волос: души, силы, продолжительности жизни, благополучия, чести.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабенко В. Я., Гимаев Р. Н., Ковязин С. А.* Семейные праздники и обряды марийцев Башкирской АССР. Уфа, 1990. 46 с.
2. *Байбурун А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 166 с.
3. *Бараг Л. Г., Сулейманов А. М.* Повествовательные жанры башкирского фольклора. Уфа: Гилем, 2000. 248 с.
4. *Басилов В. Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
5. Башкирские исторические предания и легенды / авт.-сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
6. Башкирский народный эпос / вступ. статья А. С. Мирбадаловой. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 519 с.
7. Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.
8. Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Башкирское издательство «КИТАП», 1993. 464 с.
9. Башкирское народное творчество. Том I. Эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 544 с.
10. Башкирское народное творчество. Том III. Богатырские сказки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. 448 с.
11. Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1995. 560 бит.
12. *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960. 234 с.
13. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии: сб. ст. / отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 345 с.
14. *Исаева Е. Л.* Средняя Азия. М.: Издательство Мир книги, 2009. 224 с.
15. Книга башкирских заговоров. Лечебная и охранительная магия / авт.-сост. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа, 2006. 180 с.
16. *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 175 с.

17. Мамбетова А. И. Семиотика ювелирных украшений в традиционной культуре Казахстана: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 158 с.
18. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
19. Смирнова Я. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 48–60.
20. Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — нач XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.
21. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.
22. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
23. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
24. Цит. по: Султангареева Р. А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
25. Цит. по: Янгузин Р. З. Этнография башкир (история изучения). Уфа: Китап, 2002. 192 с.
26. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Қазақстан, 1998. 184 с.
27. Шитова С. Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии / под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева. Уфа, 1976. С. 49–94.
28. ПЗА 2000–2003: Белорецкий, Баймакский, Абзелиловский районы Республики Башкортостан.
29. ПЗА 2001: Белорецкий район Республики Башкортостан.

Поступила в редакцию 07.12.2017

Баязитова Розалия Рафкатовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры башкирской литературы и культуры
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
450000, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
E-mail: rosali8@mail.ru

R.R. Bayazitova

“HAIR” IN THE TRADITIONAL CULTURE OF BASHKIRS

This paper is concerned with the notions Bashkirs had of hair. The objective of the research is to analyze the mythology, cosmogonic notions and life cycles of Bashkirs for identification of semantics and function of hair in the traditional culture. The presented materials demonstrate that the mythological explanation of qualitative and quantitative changes happening to hair of a person during prenatal development, during lifetime and after death was characteristic of Bashkirs. The paper elucidates the associative understanding of hair in the traditional culture of Bashkirs as a means of communication between the worlds, as the habitat of soul, a symbol of force, beauty and health, wellbeing, honor, life expectancy, vital energy, age and, marital status. The materials presented in eposes, fairy tales, proverbs and sayings, bans and instructions provide insight into the value of hair in mythology, family and household ceremonialism and makes it possible to track the origin of particular standards of behavior related to this part of the body.

Keywords: traditional culture of Bashkirs, hair, road, vital force, status, etiquette.

REFERENCES

1. Babenko V. Ja., Gimaev R. N., Kovjazin S. A. Semejnye prazdniki i obrjady marijcev Bashkirskoj ASSR [Family Holidays and Ceremonies of Maris of Bashkir ASSR]. Ufa, 1990, 46 p. (In Russian).
2. Bajburin A. K., Toporkov A. L. U istokov jetiketa. Jetrnograficheskie ocherki [At Etiquette Sources. Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 166 p. (In Russian).
3. Barag L. G., Sulejmanov A. M. Povestvovatel'nye zhanry bashkirskogo fol'klora [Narrative Genres of the Bashkir Folklore]. Ufa, Gilem Publ., 2000, 248 p. (In Russian).
4. Basilov V. N. Izbranniki duhov [Elects of Spirits]. Moscow, Politizdat Publ., 1984, 208 p. (In Russian).
5. Bashkirskie istoricheskie predanija i legendy [Bashkir Historicallore and Legend]. Avt.-sost. F. A. Nadrshina [Compiler is F. A. Nadrshina]. Ufa, Kitap Publ., 2015, 528 p. (In Russian).
6. Bashkirskij narodnyj jepos [Bashkir National Epos]. Vstup. stat'ja A. S. Mirbadalovoj [Introductory Article of A. S. Mirbadalova]. Moscow, Main edition of East Literature of “Nauka” Publ., 1977, 519 p. (In Russian).
7. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir Folk Art]. T. 12: Obrjadovyj fol'klor [Ceremonial Folklore]. Ufa, Kitap Publ., 2010, 592 p. (In Russian).

8. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir Folk Art]. Т. 7: Posloviцы, pogovorki. Primety. Zagadki [Proverbs, Sayings. Signs. Riddles]. Ufa, Bashkir Publ. House "Kitap", 1993, 464 p. (In Russian).
9. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir Folk Art]. Tom I. Jepos [Epos]. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1987, 544 p. (In Russian).
10. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir Folk Art]. Tom III. Bogatyrskie skazki [Knightfairy Tales]. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1988, 448 p. (In Russian).
11. Bashkort halykizhady: Jolafol'klory [Bashkir Folk Art: Ceremonial Folklore]. Ufa, Bashkir Publ. House "Kitap", 1995, 560 p. (In Bashkir).
12. *Gagen-Torn N.* Zhenskaja odezhda narodov Povolzh'ja (materialy k jetnogenezu) [Women's Clothing of the People of the Volga Region (Materials for Ethnogenesis)]. Cheboksary, Chuvash State Publ. House, 1960, 234 p. (In Russian).
13. Domusul'manskie verovanija i obrjady v Srednej Azii. Sbornik statej [Pre-Islamic Beliefs and Ceremonies in Central Asia. Collection of Articles]. Otv. red. G. P. Snesarev, V. N. Basilov [Editor-in-chief G. P. Snesarev, V. N. Basilov]. Moscow, Main Edition of East Literature of "Nauka" Publ. House, 1975, 345 p. (In Russian).
14. *Isaeva E. L.* Srednjaja Azija [Central Asia]. Moscow, Publ. House World of the Book, 2009, 224 p. (In Russian).
15. Kniga bashkirskih zagovorov. Lechebnaja i ohranitel'naja magija [Book of the Bashkir Plots. Medical and Guarding Magic]. Avt.-sost. F. G. Hisamitdinova [Compiler is F. G. Hisamitdinova]. Ufa, 2006, 180 p. (In Bashkir).
16. *Kozlova K. I.* Jetnografija narodov Povolzh'ja: uchebnoe posobie [Ethnography of the People of the Volga Region: Manual]. Moscow, Publ. House of the Moscow University, 1964, 175 p. (In Russian).
17. *Mambetova A. I.* Semiotika juvelirnyh ukrashenij v tradicionnoj kul'ture Kazahstana: dis. ... kand. kul'turologii [Semiotics of a Jewelry in the Traditional Culture of Kazakhstan: The Thesis for a Degree of the Candidate of Cultural Science]. St. Petersburg, 2005, 158 p. (In Russian).
18. *Rudenko S. I.* Bashkiry: Istoriko-jetnograficheskie ocherki [Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Kitap, 2006, 376 p. (In Russian).
19. *Smirnova Ja.* Trudovye roli i status zhenwiny v tradicionnyh obschestvah narodov Kavkaza [Labor Roles and the Statuses of the Woman in Traditional Societies of the People of the Caucasus]. Jetnograficheskoe obozrenie [The Ethnographic Review], 1997, no. 4, pp. 48–60. (In Russian).
20. *Toleubaev A. T.* Relikty doislamskih verovanij v semejnoj obrjadnosti kazahov (XIX — nach. XX v.) [Relicts of Pre-Islamic Beliefs in Family Ritualism of Kazakhs (19 — the beginnings of the 20th century)]. Alma-Ata, Gylm Publ., 1991, 214 p. (In Russian).
21. Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremja. Veschnyj mir [Traditional Outlook of Turkic Peoples of Southern Siberia. Space and Time. Real World]. L'vova Je. L., Oktjabr'skaja I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Office, 1988, 225 p. (In Russian).
22. Tradicionno emirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri. Chelovek. Obschestvo [Traditional Outlook of Turkic Peoples of Southern Siberia. Person. Society]. L'vova Je. L., Oktjabr'skaja I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Office, 1989, 243 p. (In Russian).
23. *Hisamitdinova F. G.* Mifologicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Mythological Dictionary of Bashkir language]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 452 p. (In Russian).
24. *Cit. po: Sultangareeva R. A.* Semejno-bytovoj obrjadovoj fol'klor bashkirskogo naroda [Family and Household Ceremonial Folklore of the Bashkir People]. Ufa, Gilem Publ., 1998, 243 p. (In Russian).
25. *Cit. po: Janguzin R. Z.* Jetnografija bashkir (istorija izuchenija) [Ethnography of Bashkirs (Studying History)]. Ufa, Kitap Publ., 2002, 192 p. (In Russian).
26. *Shahanova N.* Mir tradicionnoj kul'tury kazahov (jetnograficheskie ocherki) [World of Traditional Culture of Kazakhs (Ethnographic Essays)]. Almaty, Kazakstan Publ., 1998, 184 p. (In Russian).
27. *Shitova S. N.* Sibirskie taezhnye cherty v material'noj kul'ture i hozjajstve bashkir [The Siberian Taiga Lines in Material Culture and Economy of Bashkirs]. Jetnografija Bashkirii [Ethnography of Bashkiria]. Under N. V. Bikbulatov's and R. G. Kuzeev's edition. Ufa, 1976, pp. 49–94. (In Russian).
28. PZA 2000–2003 [Field Records of the Author 2000–2003]: Beloreckij, Bajmaksij, Abzelilovskij rajony Respubliki Bashkortostan [Beloretsk, Baymaksy, Abzelilovsky Districts of the Republic of Bashkortostan].
29. PZA 2001 [Field Records of the Author 2001]: Beloreckij rajon Respubliki Bashkortostan [Beloretsk District of the Republic of Bashkortostan].

Received 07.12.2017

Bayazitova R. R., Candidate of History, Associate Professor at Department of Bashkir Literature and Culture
 Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah
 Oktyabrskoy Revolutsii st., 3a, Ufa, Russia, 450000
 E-mail: rosali8@mail.ru